

историю литературы, чем теорию, спустя несколько десятилетий назовет критику Эйхенбаум. Можно подумать, что и в 1912 году в своих рецензиях он следует именно этому принципу, создавая «критику формы».

Эйхенбаум не случайно предчувствовал, что его журнальная работа «пойдет хорошо». Если в 1912 году началось его сотрудничество в периодических изданиях, то в 1913 году это поле деятельности уже полно для него перспектив — от газет («Русская молва», где он в 1913 году начинает печататься, «Речь», «Биржевые ведомости») до журналов («Северные записки», «Заветы», наконец, — а может быть, в первую очередь — «Русская мысль», уже снискавшая себе шутливое, но respectable прозвание «профессорского журнала»). 1912 год был только началом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Б. М. ЭЙХЕНБАУМА В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ «ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ» (1912)

1. [Рец. на:] Соловьева, П. (Allegro). Тайная правда и другие рассказы. Изд. т-ва М. О. Вольф. 1912. 75 коп. (№ 39. Стлб. 2227–2228; подпись: Э.).
2. Новое о Гончарове. Из писем И. А. Гончарова к М. М. Стасюлевичу (№ 47. Стлб. 2695–2702; подпись: Б. Эйхенбаум).
3. [Рец. на:] Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений. С крит.-биограф. очерк. В. Я. Брюсова, под редакцией П. В. Быкова. Изд. т-ва А. Ф. Маркс. СПб., 1912. 3 руб. (№ 49. Стлб. 2707–2708; подпись: Б. Эйхенбаум).
4. [Рец. на:] Яков Годин. Северные дни. Первая книга стихов. Издат. «Дружба». СПб. 1913. Цена 1 рубль (№ 49. Стлб. 2835–2836; подпись: Б. Э.).
5. Действие или действо? (№ 50. Стлб. 2887–2890; подпись: Б. Эйхенбаум).
6. [Рец. на:] Иван Новиков. Рассказы. (1905–1912 г.) Книгоизд. писателей. М. 1912. Цена 1 р. 25 к. Стр. 260 (№ 52. 30 декабря. Стлб. 3013–3014; подпись: Б. Э.).
7. [Рец. на:] Анри Бергсон. Восприятие изменчивости. Перев. с франц. В. А. Флеровой. Изд. М. И. Семенова. СПб. 1913. Ц. 50 к. Стр. 44 (№ 52. Стлб. 3014–3015; подпись: Б. Э.).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-122-131

© А. Б. Стрельникова, © А. В. Сысоева

СБОРНИК РАССКАЗОВ ФЕДОРА СОЛОГУБА «THE OLD HOUSE AND OTHER TALES» В ПЕРЕВОДЕ ДЖОНА КУРНОСА: ВОПРОСЫ РЕЦЕПЦИИ И КОНКУРЕНЦИИ*

Произведения Федора Сологуба активно переводились и переводятся на различные языки (английский, немецкий, французский, итальянский, китайский и др.), что свидетельствует о неугасающем интересе к художественным текстам Сологуба внутри различных культур. При всем многообразии переводов англоязычные заслуживают особого внимания с точки зрения «охвата» читательской аудитории в силу международного статуса самого языка. Если попытаться в самых общих чертах наметить дина-

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект № 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“, НИУ ВШЭ.

мику освоения художественных текстов Сологуба в англоязычной культуре, то картина выглядит приблизительно следующим образом. На начальном этапе, в 1910-е годы, переводчики обращались к малой прозе (что вполне традиционно в силу специфики самого жанра рассказа), публикуя отдельные произведения (в 1913-м и 1914 году) и объединяя их в сборники — «The Old House and Other Tales» (1915), «The Sweet-Scented Name and Other Fairy-Tales, Fables and Stories» (1915), а также осуществили первые шаги на пути перевода романов — «Мелкого беса» («The Little Demon», 1916) и «Творимой легенды» («The Created Legend», 1916). В это же время тексты Сологуба начали печататься в составе сборников произведений русских авторов — например, в «Modern Russian Classics» (1919) рассказ «Белая собака» был помещен вместе с произведениями Л. Н. Андреева, М. П. Арцыбашева, А. П. Чехова и М. Горького. Следующий этап, наступивший только в 1960-е годы, характеризуется переводческими попытками «взять» роман «Мелкий бес» («The Petty Demon», 1962; «The Shabby Demon», 1966), и позже, в 1995 году, будет предложена еще одна версия перевода романа — «The Little Demon». Важной вехой становится 1978 год, когда появляются перевод романа «Тяжелые сны» («Bad Dreams») и новый сборник рассказов «The Kiss of the Unborn and Other Stories»; в период 2000–2010-х годов переводы рассказов Сологуба публикуются в составе различных сборников.

Обращение к начальному периоду переводческой рецепции принципиально важно, поскольку все последующие переводы так или иначе находятся в зависимости от того, что уже было сделано ранее. Уже на этом этапе могут возникать тенденции к переводной множественности, и именно этот этап во многом определяет то, насколько востребованным окажется творчество того или иного автора для принимающей культуры. Как уже было указано выше, в 1915 году вышли сразу два сборника Сологуба на английском языке — «The Sweet-Scented Name and Other Fairy-Tales, Fables and Stories» и «The Old House and Other Tales». Первый из перечисленных сборников был переведен С. Грэмом; отбор текстов осуществлялся самим переводчиком, что зафиксировано в предисловии к изданию.¹ Сборник «The Old House and Other Tales» вышел в переводе Дж. Курноса (Йоганна (Ивана) Григорьевича Коршоона (Коршона), 1881–1966). Курнос, работавший не только с рассказами, но и с романами Сологуба, в истории англоязычного перевода фигура достаточно известная: он также переводил произведения А. Ремизова и Л. Андреева.² М. Топер в своей книге о положении перевода в системе сравнительного литературоведения следующим образом охарактеризовал работу с художественным текстом: «...переводчику необходимо знание предмета, которым обладал автор, и даже (по возможности) знание неосуществившихся авторских намерений; он должен не только в совершенстве постичь переводимое произведение, но и то особое, специфическое, что отличает его от других произведений этого писателя (а писателя — от других представителей его литературы). Переводчику надо одновременно видеть мир „изнутри“ переводимого произведения и смотреть на это произведение „со стороны“». ³ Взгляду «изнутри», если не произведения, то по крайней мере культуры, способствовало российское происхождение Курноса, родившегося в Житомире. Его семья эмигрировала, когда ему было 10 лет.⁴ Во время поездки в Петроград Курнос лично познакомился с Сологубом и даже в марте 1918 года, перед отъездом, предложил ему убежище в Англии.⁵ Судя по письму Курноса писателю от 7 марта

¹ См. подробнее: Стрельникова А. Б. К вопросу о переводческом «произволе»: англоязычный сборник «The Sweet-Scented Name» Ф. Сологуба в контексте авторских афоризмов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 60–64.

² Турта Е. И. А. М. Ремизов: путь к британскому читателю // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (19). С. 99–106.

³ Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2001. С. 39.

⁴ Тиханов Г. Бахтины в Англии. Дополнения к биографии Н. М. Бахтина и к истории рецепции М. М. Бахтина // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. Шестые — седьмые — восьмые Тыняновские чтения. С. 596.

⁵ Воспоминания Курноса об этом разговоре цитируются Р. Тименчиком (см.: Тименчик Р. «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I // Эткиндовские чтения. II–III. СПб., 2006. С. 240).

1918 года, Сологуб на предложение согласился: «...буду иметь в виду ваши планы уехать в Англию. Не знаю, возможно это или нет — может быть, новые обстоятельства дают эту возможность».⁶

Перевод Курносом рассказов Сологуба «Белая собака» и «Обруч», опубликованных в журнале «New Statement» в 1913-м и 1914 году,⁷ послужил поводом для начала общения. Стремясь лучше узнать переводимого писателя и обсудить возможность авторизации дальнейших переводов, Курнос вступил с Сологубом в переписку, в которой сообщил, что ему близки его идеи и творческий метод («I have an intense sympathy with your ideas and a great admiration of your method»)⁸.

В первом же письме от 5 марта 1915 года Курнос рассказал о своих планах по переводу произведений, названных им повестями (скорее всего, такой жанр указан из-за большого объема этих текстов), — «Старый дом», «Соединяющий души», «Призывающий зверя», «Свет и тени», «Белая мама». Вместе с уже переведенными к тому моменту рассказами и четырьмя не названными, они составили том «The Old House and Other Tales». В следующем письме, датированном 27 июля 1915 года, переводчик сообщил об отправке опубликованного сборника произведений на адрес Сологуба и сетовал, что первое письмо осталось без ответа, предположив, что оно не дошло до адресата. Таким образом, сборник был составлен Курносом без участия Сологуба в отборе рассказов.

Во время работы над изданием Курнос опирался на Собрания сочинений Сологуба в 12 (СПб.: Шиповник, 1909–1912) и 20 томах (СПб.: Сирин, 1913–1914). На это указывают следующие факты: 1) рассказы «Белая собака», «Свет и тени» имеют вариации названий, и заглавия именно в такой формулировке даны в Собраниях сочинений; 2) рассказ «Обыск», включенный в сборник Курноса, не входил ни в одну книгу рассказов, первая его публикация после журнальной — в Собрании сочинений; 3) маловероятно, что Курнос имел доступ к первым публикациям текстов в периодической печати, он дважды писал Сологубу о том, что обращается к библиотеке Британского музея; в наши дни в библиотеке хранятся некоторые сборники и Собрания сочинений издательств «Шиповник» и «Сирин».

Отобранные Курносом рассказы входят в 3-й, 4-й, 7-й, 11-й и 12-й тома «Шиповника». Состав 3-го, 7-го, 11-го и 12-го томов «Сирина» идентичен версии «Шиповника», а том 4 вышел только в виде пробных экземпляров и вряд ли мог дойти до английской библиотеки, так что рассказ из этого тома, «Обруч», мог быть взят только из более раннего Собрания сочинений. Составителем не были привлечены и новые рассказы Сологуба, изданные в 1911–1913 годах и вошедшие в 14-й том «Сирина». Таким образом, при отборе произведений Курнос использовал собрание «Шиповника». В то же время переводчик обращался и к сириновскому изданию. По-видимому, это произошло во время подготовки вступительной статьи: в ней идет речь о двадцати томах творческого наследия писателя и дана цитата из предисловия к книге «Пламенный круг», включенная только во второе Собрание сочинений.

Наиболее вероятно, что Грэм, отбирая тексты, также обратился к Собранию сочинений, что подтверждают, в частности, особенности перевода рассказа «On the Other Side of the River Mairure» (дословно «На другой стороне реки Мейрур»). В журнальной редакции и сборнике «Истлевающие личины» (1907) он имеет название «Дикий бог» (в обоих Собраниях — «За рекою Мейрур»). Уже в издании «Шиповника» Сологуб отметил, что внес значительные изменения в рассказ в сравнении с первой версией. При их сопоставлении видно, что, помимо смены названия, в тексте появилось деление на нумерованные фрагменты, вместо слова «бог» использовано местоимение «он», а имя дочери главного героя сменилось с Мерро на Лотту и др. Все это отразилось в переводе. Судя же по составу сборника, за основу было взято издание «Сирина»: вы-

⁶ Курнос Дж. Письма Сологубу Ф. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 380. Л. 19 об.

⁷ Sologub F. 1) The White Dog / Translated by John Cournos // New Statement. 1913. 20 Dec. P. 339–340; 2) The Hoop / Rev. by John Cournos // New Statement. 1914. 27 June. P. 371–372. В 1913 году Курнос публиковал в журнале переводы рассказов В. Вольховского, М. Горького, Шолома Аша, А. Чехова. Продолжил работу он уже с творчеством Сологуба.

⁸ Курнос Дж. Письма Сологубу Ф. Л. 2 об.

браны произведения, вошедшие в 11-й и 14-й тома (напомним, что «Шиповник» издал 12 томов). Грэм представил актуальные произведения писателя, написанные в 1906–1913 годах, в то время как Курнос шире охватил разные этапы творчества Сологуба, обратившись к текстам, созданным в 1894–1909 годах.

В предисловии к сборнику Курнос пояснил, что в публикуемых рассказах он увидел наиболее характерные черты сологубовской прозы и расставил весьма существенные (а подчас и весьма оригинальные) акценты, отражающие специфику переводческой рецепции. Курнос дал минимальный набор фактов из биографии писателя (настоящее имя и псевдоним, дата рождения и образование, информация об издании первого рассказа), сознательно педалируя сологубовскую идею о незначительности биографии автора в контексте восприятия его художественного мира (в частности, использована переведенная цитата из Сологуба: «Моей автобиографии я прислать не могу, так как думаю, что моя личность никому не может быть в такой степени интересна. Да мне и некогда заниматься таким ненужным делом, как писание автобиографии»).

⁹ Заметим здесь, что издание переводов Грэма также не предоставляло англоязычному читателю информации об авторской биографии.¹⁰ Курнос в качестве компенсации привел цитату Сологуба из его предисловия к книге «Пламенный круг», составленного в 1908 году и перепечатанного в первом томе Собрания сочинений в 1913 году: «...я спокойно и просто открываю мою душу <...> хочу, чтобы интимное стало всемирным»,¹¹ — тем самым акцентируя внимание читателя на важности «духовной автобиографии» («spiritual autobiography») и убеждая его, что личность автора произведения раскрывается в текстах.¹²

Говоря о жанровом многообразии произведений Сологуба, Курнос так строит высказывание, что становится понятно, что первостепенной в наследии писателя ему видится проза: «Творчество Сологуба-поэта едва ли менее значительно, чем творчество Сологуба-прозаика».¹³

Принципиальное значение для понимания позиции переводчика имеет определение эстетики творчества, которое дал в своем предисловии Курнос. По его словам, творчество Сологуба находится на стыке реалистической и модернистской традиций (Курнос пользуется терминами «realism» и «fantasy», что, по нашему мнению, как раз и подразумевает два основных направления в развитии русской литературы начала XX века), при доминировании первой: «Хотя его творчество подчас абсолютно реалистично, оно редко бывает абсолютно фантастичным. Его фантазия всегда заземлена в реальности».¹⁴ Переводчик провел параллели с творчеством А. П. Чехова, фиксируя при этом, что «от чеховской формулы Сологуба уводит его чудесная фантазия».¹⁵ Фантазия — это воображение, пробуждающее красоту, а восхищение красотой есть уход от серой, грубой и бессмысленной реальности. Курнос также писал о двоемирии, существующем в творчестве русского писателя, однако миры эти, по мнению переводчика, не были равноценны: загадочность, которую Сологуб приносил в свои тексты, никогда не была самодостаточной, это не возможная альтернатива, но всегда «яркий символ реальности» («a most intense symbol of reality»).

⁹ Источник цитаты — интервью, данное А. Измайлову: Аякс [Измайлов А. А.]. У Ф. К. Сологуба // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 19 сент. (2 окт.). № 13151. С. 5.

¹⁰ Чуть более расширенная, чем в издании Курноса, биографическая справка (к слову, с отдельными искажениями) была опубликована годом ранее в статье о современной русской литературе и творчестве Сологуба в частности (см.: Williams H. V. Russia of the Russians. London, 1914. P. 213–216).

¹¹ Сологуб Ф. Предисловие (к книге «Пламенный круг») // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913. Т. 1. Лазурные горы. Стихи. С. 8.

¹² «After such an avowal the reader will know where to look for the author's personality» (Sologub F. The Old House and Other Tales / Translated from the Russian by J. Cournos. London: Martin Secker, 1915. P. 8). Здесь и далее перевод наш. — А. С., А. С.

¹³ «Sologub's place as a poet is hardly less assured than his place as a novelist» (Ibid. P. 7).

¹⁴ «But while he is sometimes wholly realistic, he is seldom wholly fantastic. His fantasy has always its foundation in reality» (Ibid. P. 8).

¹⁵ «...It is his prodigious fantasy that makes the point of his departure from the Chekhovian formula» (Ibid. P. 8–9).

¹⁶ Ibid. P. 10.

В качестве показательного примера переводчик привел рассказ «Призывающий зверя», поскольку увидел в нем средоточие основных тем и мотивов. Говоря, что, безусловно, этот текст может быть прочитан как сказка, Курнос настойчиво проводит мысль о том, что Зверь — символ человеческой незащищенности, постоянного присутствия сокрытых от человека обстоятельств, непредсказуемых и потому неизбежных последствий уже свершившихся действий. Тимарид — герой рассказа — является образом молодого поколения, упрекающего поколение старших за их невнимательность, забывчивость, невыполнение данных обещаний и развенчивающего их иллюзии. Симпатия к детям и людям, сохранившим «детскость», пронизывала, как утверждал Курнос, все творчество Сологуба: если Сологуб изображал старого человека с любовью и сочувствием, то человек этот всегда был наделен «детскими» качествами (как, например, в рассказе «Обруч»).

Несмотря на сознательный отказ от описания биографических фактов (ввиду соблюдения воли автора), Курнос все-таки напомнил читателю, что Сологуб работал учителем: «Sologub, it should be remembered, began life as a schoolmaster».¹⁷ Произошло это из-за восприятия творчества русского писателя прежде всего в реалистической традиции: имея богатый опыт в педагогической сфере, Сологуб часто рисовал учителей и учеников. Рассказ «Свет и тени» представляется Курносу рефлексией по поводу образовательной системы как таковой, вбивающей в голову ученика множество никому не нужных фактов и подавляющей творческое начало. Рассказ интерпретируется как изображение воздействия системы на чувствительного и впечатлительного ребенка. Сологуб, по мнению Курноса, оказался в числе тех немногочисленных писателей, которые очень тонко и ненавязчиво заставляют читателя размышлять и «запускают» читательское воображение, при этом он являлся ярким представителем своей эпохи и конкретного города, Петрограда. Переводчик также подчеркнул две линии в творчестве писателя: социальную и мистическую.

Обозначенные выше тенденции в восприятии Сологуба нашли свое отражение в подборке текстов и некоторых особенностях перевода. В сборнике доминирует «детская» тема: в большинстве рассказов главными действующими лицами являются дети либо взрослые, сохранившие «детскость» (способность мечтать, играть, воображать). И если у Сологуба разделение на детей и взрослых, как правило, подразумевает онтологический конфликт (взрослые, вписавшиеся в мирскую грубую реальность, и дети, так близко еще находящиеся к границе с иным, прекрасным миром, несущие в себе его частицу и потому так часто в него возвращающиеся), то в интерпретации Курноса тема детства начинает звучать социально заостренной. Сборник включает в себя 11 переводов рассказов «Старый дом», «Соединяющий души», «Призывающий зверя», «Белая собака», «Свет и тени», «Голодный блеск», «Прятки», «Улыбка», «Обруч», «Обыск», «Белая мама». В большинстве из них ребенок предстает как создание хрупкое, нежное, доброе, чистое и, как правило, не умеющее противостоять окружающей реальности («Старый дом», «Свет и тени», «Прятки», «Улыбка», «Обыск», «Белая мама»). Любопытно и то, что в такой подборке и предваренные соответствующим предисловием рассказы, рисующие метафизический мир (в оригинальном творчестве Сологуба подчас гораздо более реальный и истинный, чем масочная мирская жизнь), выглядят иллюстрациями к различным социальным конфликтам: конфликт поколений («Соединяющий души», «Призывающий зверя»), межклассовый конфликт («Голодный блеск», «Улыбка»), межличностный конфликт («Собака») и т. п.

В то же время Курнос никак не касается острых в начале века революционных и военных тем и отбирает рассказы либо универсальной проблематики, стоящие вне текущих политических событий, либо рисующие быт и жизнь средних и бедных слоев общества неизвестной англичанам России. Только рассказ, давший название сборнику, повествует о революции 1905–1907 годов, причем в центре внимания оказывается не революция, а человеческие взаимоотношения и чувства, возникшие в связи с событиями, которые коснулись героев лично.

¹⁷ Ibid. P. 12.

Рассказы Сологуба «Голодный блеск» и «Призывающий зверя» были выбраны для представления творчества русского модерниста английской публике и Курносом, и Грэмом; при этом их переводы существенно отличаются ракурсами переводческой (т. е. первой для английской культуры читательской) интерпретации. Это проявляется уже на уровне заглавий (ср.: «The Glimmer of Hunger» Курноса (буквально — «Мерцание / Проблеск голода») и «The Hungry Glean» Грэма (буквально — «Голодный блеск»)). В переводе Грэма героем движет некая сила, он алчет чего-то, и это стремление отражается в блеске его глаз (в английском языке возможны словосочетания «hungry for knowledge / experience» (стремящийся к новым знаниям / получению опыта)). Слово «hungry» также имеет значение «сильное желание», но эта двусмысленность существительного нивелируется с первого абзаца текста, в котором повествуется об обеде, необычно хорошем для Сергея Матвеевича Мошкина, потерявшего работу:

«Голодный блеск»	«The Glimmer of Hunger»	«The Hungry Glean»
Сергей Матвеевич Мошкин <i>пообедал</i> сегодня очень хорошо, — сравнительно, конечно, — как ему, <i>сельскому учителю</i> , лишившемуся места и уже с год околачивающемуся по чужим лестницам в поисках работы, и не к лицу было бы. А все-таки <i>голодный блеск</i> сохранялся в его глазах, грустных и черных, и <i>придавал</i> его худощавому, смуглому лицу выражение какой-то неожиданной значительности. ¹⁸	Sergei Matveyevich Moshkin <i>had dined</i> very well that day — that is comparatively well — when you stop to consider that he was only a <i>village schoolmaster</i> who had lost his place, and had been knocking about already a year or so on strange stairways, in search of work. Nevertheless, <i>the glimmer of hunger</i> persisted in his dark, sad eyes, and it gave his lean, smooth face a kind of unlooked-for significance. ¹⁹	Sergey Matveitch Moshkin <i>dined</i> very well today — comparatively, of course — as a <i>man</i> reckons who has spent a year on other people's doorsteps and stairs searching for a job. He <i>has dined well</i> , but all the same <i>the hungry glean</i> still remains in his sorrowful dark eyes, and gives to his lean and swarthy face an expression of unwonted significance. ²⁰

Из приведенного выше примера видно, что в переводе Грэма природа голодного блеска в глазах героя неочевидна и не исчерпывается удовлетворением естественной физической потребности (не случайно переводчик еще раз повторяет эту фразу в начале второго предложения), в то время как у Курноса скорее физическое чувство голода человека, находящегося в состоянии финансового краха, становится перманентным. Двусмысленность «голодного блеска» в оригинале создает поле для интерпретаций и переводческого поиска, в котором в данном конкретном случае Грэм, вероятно, оказывается удачливее. Обращает на себя внимание и еще одна деталь: Грэм вообще опускает упоминание о профессии героя — «сельский учитель», тем самым обобщая ситуацию и еще дальше уходя от социальной подоплеки, все же присутствующей

¹⁸ Сологуб Ф. Голодный блеск // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. Т. 11. Книга превращений. Рассказы. С. 145. Курсив наш. — А. С., А. С.

¹⁹ Sologub F. The Glimmer of Hunger // Sologub F. The Old House and Other Tales. P. 199. Пер.: «Сергей Матвеевич Мошкин *пообедал* в тот день очень хорошо, сравнительно хорошо, принимая во внимание, что он был всего лишь *деревенским школьным учителем*, потерявшим место и уже около года рыскавшим в поисках работы по чужим лестницам. Тем не менее *блеск голода* сохранялся в его темных, грустных глазах, и это *придавало* его невыразительному и ровному лицу какую-то неожиданную значительность». Курсив наш. — А. С., А. С.

²⁰ Sologub F. The Hungry Glean // Sologub F. The Sweet-Scented Name and Other Fairy-Tales, Fables and Stories / Ed. by S. Graham. New York, 1915. P. 135. Пер.: «Сергей Матвеевич Мошкин *пообедал* сегодня хорошо — относительно, конечно, — хорошо для человека, который провел год у чужих порогов и на ступенях чужих лестниц, ища работу. Он *пообедал хорошо*, и все же *голодный блеск* остается в его печальных, темных глазах, что *придает* его невыразительному и смуглому лицу выражение необычайной значимости». Курсив наш. — А. С., А. С.

в оригинальном тексте. Однако думается, что основной конфликт в оригинальном тексте все-таки выходит за рамки социального, и бунт главного героя — не против социальной несправедливости, а против этой серой и косной жизни как таковой, в которой даже искусство перестает быть миром мечты, поскольку застывает в форме картин и бюстов в доме госпожи Энгельгардовой.

Мысль о конфликте поколений, об определяющей роли событий прошлого для настоящего, увиденная Курносом в рассказе «Призывающий зверя», зафиксирована, например, во фрагменте перевода, где Тимарид говорит о подвиге, который они с Аристомахом решили совершить:

«Призывающий зверя»	«Invoker of the Beast»	«The Herald of the Beast»
Великое, страшное затеяли мы дело, <i>чтобы славою увенчались в далеких поколениях наши имена.</i> ²¹	We had planned a great, terrible affair, <i>that our names might be honoured by future generations.</i> ²²	The thing that we purposed was great and dreadful, and it would have given <i>a glory to our names in far posterity.</i> ²³

Идея цели, которая присутствует в переводе Курноса ввиду использования синтаксической конструкции с *that*, пассивного залога глагола *to honour* и выбора самой лексической единицы *generations*, позволяет сделать акцент на важности и нужности деяния для будущего поколения. В переводе Грэма само деяние настолько велико, что прославило бы имена героев — и это передается как факт. Обратим здесь внимание, что и заглавие рассказа переводится по-разному: «Invoker of the Beast» («Тот, кто призывает зверя») и «The Herald of the Beast» («Предвестник / Глашатай зверя»). Не останавливаясь подробно на стилистических различиях двух переводов (Грэм зачастую делает выбор в пользу высокой лексики, что кажется вполне оправданным при повествовании о далеком и в контексте рассказа легендарном прошлом), отметим принципиальную смысловую разницу. В переводе Курноса Тимарид *призывает* Зверя, *апеллирует* или *взывает* к нему как к некой высшей силе, которая расставит все точки в конфликте между двумя противоборствующими сторонами, у Грэма сам Тимарид становится неким *знаком* Зверя, *сообщает, объявляет* о его пришествии, что привносит антиномичность в образ юного Тимарида.

Примечательны сдвиги, происходящие не только на лексическом, но и на грамматическом уровне: во фрагментах из рассказа «Голодный блеск», приведенных выше, Курнос использует грамматические времена *past perfect* и *past simple*, таким образом переводя ситуацию в прошлое, на темпоральном векторе отделенное от настоящего некоторым временным отрезком; Грэм использует *present perfect* и *present simple*, актуализируя ситуацию во времени настоящем. Подобный ход Грэм использует и в переводе рассказа «Призывающий зверя» — в момент, когда Тимарид поведал Гурову-Аристомаху о Звере и о подвиге, на который они решились, Гуров-Аристомах спрашивает: «Ты убил Зверя, Тимарид?»²⁴ Сравним в англоязычных переводах: «*Did you kill the Beast, Timarides?*» (Курнос),²⁵ «*Have you killed the Beast, Timaride?*» (Грэм).²⁶ В первом случае грамматическое время описывает ситуацию, произошедшую в прошлом и расцениваемую как факт, в то время как во втором случае принципиально важен результат в настоящем, то есть события прошлого отзываются последствиями в насто-

²¹ Сологуб Ф. Призывающий зверя // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. Т. 11. С. 75. Курсив наш. — А. С., А. С.

²² Sologub F. Invoker of the Beast // Sologub F. The Old House and Other Tales. P. 130–131. Пер.: «Мы наметили великое и ужасающее дело, *чтобы имена наши могли бы быть прославлены будущими поколениями*». Курсив наш. — А. С., А. С.

²³ Sologub F. The Herald of the Beast // Sologub F. The Sweet-Scented Name and Other Fairy-Tales, Fables and Stories. P. 207. Пер.: «Дело, которое мы вознамерились совершить, — было великим и страшным, и оно *прославило бы наши имена в далеких поколениях*». Курсив наш. — А. С., А. С.

²⁴ Сологуб Ф. Призывающий зверя. С. 76. Курсив наш. — А. С., А. С.

²⁵ Sologub F. Invoker of the Beast. P. 132. Курсив наш. — А. С., А. С.

²⁶ Sologub F. The Herald of the Beast. P. 208. Курсив наш. — А. С., А. С.

ящем и определяют его. История разворачивается здесь и сейчас, вовлекая читателя в «дистраивание» текста.

Каждый из переводчиков выбрал из 11-го тома Собрания сочинений, включающего в себя 16 рассказов, по 4 текста. Выбор произведений, помимо рассмотренных выше совпадающих текстов, подчеркивает разницу читательских рецензий, которые, являясь проявлением пристрастий и интересов переводчиков, определили восприятие Сологуба английскими читателями в 1915 году. Курнос, в отличие от Грэма, выстроил тексты в той же последовательности, что и Сологуб, перемежая их рассказами из других томов. Два оставшихся рассказа, отобранные Грэмом, «Дикий бог» и «Отрок Лин», написаны в форме легенд о древних временах, при этом созвучны «Призывающему зверю»: в них идет речь о противостоянии поколений, о жертвах молодых. Повествование о жестоких и бессмысленных убийствах звучало актуально в разгар мировой войны.²⁷ Действие в выбранных Курносом рассказах «Соединяющий души» и «Обыск» происходит в современной автору России. Если в первом из них можно отметить сходные с «Призывающим зверя» черты: обращение к прошлым жизням, вмешательство мистических сил, то второй рассказ лишен мистики, поднимает социальные проблемы школьного образования, бесправного положения ребенка и шире — гражданина.

Сопоставление двух англоязычных сборников рассказов Сологуба 1915 года позволяет наметить две тенденции в переводческой рецепции 1910-х годов. Основными темами сборника в переводе Грэма становятся абсурд земного существования и попытка обрести себя, относительность добра и зла, невозможность «карманной истины», сакральность слова. Принципиально, что весьма значительную часть сборника составляют сказки-притчи, лаконичные по форме и по самой сути своей провоцирующие интерпретацию, читательское истолкование-дистраивание, а в заглавие вынесено название одной из сказок. Такой выбор вполне ожидаем для мистически настроенного почитателя святости и простоты России Грэма (его взгляды нашли отражение в нескольких изданных книгах путешественника).²⁸ В сборнике в переводе Курноса очевидна тенденция к выявлению и подчеркиванию элементов реалистической эстетики, часто заострение социальной проблематики, особое внимание к теме детства, системам образования и воспитания.

Переводная множественность, возникшая на раннем этапе освоения произведений Сологуба англоязычной культурой, обогатила представление о творчестве писателя, акцентируя и реалистические черты, и мистические моменты.

Сологуб знал о переводах и выше оценивал работу Курноса, хотя и не читал англоязычные сборники. Хорошо владевшая английским языком и лично знакомая с Курносом З. А. Венгерова писала Сологубу о качествах переводов, составила подборку неудачных решений из сборника Грэма (в ее транскрипции Грэмама). Вероятно, влияние на оценку Венгеровой переводов Грэма оказало несогласие со взглядами последнего: так, она сообщила Сологубу, что читает в Европе лекции о России, «чтобы хоть немножко противодействовать вздорным сведениям, распространяемым разными Стивенами Грэхами».²⁹ Грэм больше не обращался к переводам из Сологуба, продолжил писать книги, в том числе о России; к подготовке отдельных изданий переводов вернулся в 1929 году, когда в русской литературе появились новые имена. В том же 1915 году выпустил перевод «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Таким образом, для Грэма сборник рассказов Сологуба оказался одним из этапов освоения русской культуры, причем, в связи со спецификой взглядов, переводчик воспринимал не все творчество

²⁷ В этом же году Грэм выпустил книгу с рассуждениями о войне и воспоминаниями о ее начале, которое застало его на Алтае: *Graham S. Russia and the World: A Study of the War and a Statement of the World-problems that Now Confront Russia and Great Britain*. London: Cassell, 1915.

²⁸ *Graham S.* 1) *A Vagabond in the Caucasus, with some notes on his experiences among the Russians*. London; New York, 1911; 2) *Undiscovered Russia*. London; New York, 1912; 3) *The Way of Martha and the Way of Mary: An Interpretation and a Survey of Eastern Christianity*. London, 1915; etc.

²⁹ Венгерова З. А. Письма Ф. Сологубу // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 124. Л. 11 об.

символиста, отбирая то, что могло утвердить образ России — страны с особым духовным путем развития.

Иначе дело обстояло с Курносом. Он работал с произведениями Сологуба, готовя переводы один за другим. В июле 1915 года Венгерова поздравила писателя с выходом двух англоязычных сборников его рассказов, в сентябре того же года писала, что перевод «Творимой легенды» почти завершен Курносом, а в ноябре торопила с предисловием к «Мелкому бесу» и авторизацией работы протезируемого ею переводчика. Такая спешка объяснялась конкуренцией: ожидалось появление нескольких переводов одних и тех же произведений на английский, и, по словам Венгеровой, «если не отметить лучший перевод одобрением, вернее, согласием автора, то публика, не знающая подлинника, не сможет разобраться».³⁰ Курнос тоже объяснял Сологубу, почему он торопится издать роман «Мелкий бес»: «...я точно знаю, что роман переводится теперь в Америке — а американские переводы не только определенно плохи сами по себе, но обыкновенно в отсутствии переводов, сделанных в Англии, переиздаются и здесь. А появление в печати даже плохого перевода обыкновенно удерживает издателей от издания позднейшего перевода, хотя бы и хорошего и авторизованного».³¹ И Венгерова, и Курнос просили Сологуба об авторизации всех дальнейших переводов. Авторизация не давала писателю материальной выгоды: между Россией и Англией не существовало договора об авторском праве; Венгерова писала о «моральном» интересе выделить лучший перевод, высоко оценивала работу Курноса и говорила, что он является преданным поклонником творчества Сологуба. Приязни Сологуба могли способствовать также письма переводчика с уверениями в близости взглядов и его хвалебные статьи о русском писателе. Вероятно, на формирование отношения Сологуба могло повлиять и происхождение Курноса — он воспринимался в сравнении с Грэмом как «свой». В итоге и Сологуб начал благосклонно отзываться о «своем» переводчике, что нашло отражение не только в частной переписке («Он — очень литературный, чуткий человек, пишет художественным стилем»³²), но и в одной из статей Сологуба («г. John Cournos, англичанин, из моих книг вынес большее понимание моей литературной личности, чем мой русский собрат по литературе»³³). Писатель согласился авторизовать дальнейшие переводы Курноса, формально закрепив выбор «своего» переводчика.

В итоге Сологуб все же извлек опосредованную материальную выгоду из решения об авторизации, сотрудничая с английскими изданиями (получал гонорар за предисловие, статьи), а Курнос победил в переводческой конкуренции. Успех был закреплен переизданием сборника в следующем, 1916 году, в Нью-Йорке. Курнос не остановился на этом: издал переводы романов «Мелкий бес», «Творимая легенда» (перевел только первую часть романа, но выпустил ее под общим для всей трилогии названием), опубликовал сборник сказочек и др.³⁴ Издателям было невыгодно выпускать новые варианты перевода, и упоминавшийся в письме к Сологубу американский перевод «Мелкого беса» так и не вышел, зато в Нью-Йорке увидело свет переиздание английского перевода Курноса и Олдингтона.³⁵

Более полувека английские переводчики не обращались к рассказам Сологуба. Новый всплеск интереса к этому жанру в творчестве писателя происходит в 1970-е годы: в 1977-м опубликован сборник в переводе М. Г. Баркера «The Kiss of the Unborn

³⁰ Там же. Л. 7 об.

³¹ Там же. Л. 13 об.

³² Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 260.

³³ Сологуб Ф. В тусклый день // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1916. 1 (14) апр. № 15476. С. 3.

³⁴ Sologub F. 1) The Little Demon / Authorised translation by J. Cournos and R. Aldington. London, 1916; 2) The Created Legend / Authorised translation from the Russian by J. Cournos. London, 1916; 3) Little Tales / Authorised translation from the Russian by J. Cournos. Cleveland, 1917.

³⁵ Sologub F. The Little Demon / Authorised translation by J. Cournos and R. Aldington. New York, 1916.

and Other Stories», который включает новые переводы рассказов «Свет и тени», «Обруч», «Прятки», «Обыск». В предисловии к изданию, комментируя выбор текстов и причины создания новых переводов, Баркер поясняет, что более ранние версии, хотя и воплощают лучшие образцы произведений Сологуба в этом жанре («the best examples of the author's work in the genre»), все же являются устаревшими с точки зрения языка, часто содержат неточности и труднодоступны современному читателю («the translations are dated, often inaccurate, and are difficult, if not impossible, to find now in libraries»).³⁶ Таким образом, ни переводы Грэма, ни переводы Курноса не приобрели статус канонических, но позволяют выделить элементы оригинальной поэтики, определившие интерес к творчеству русского автора и, предположительно, задавшие векторы последующей переводческой рецепции романа «Мелкий бес».

³⁶ *Sologub F. The Kiss of the Unborn and Other Stories / Translated and introduced by M. G. Barker. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1977. P. 8.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-131-147

© П. Ф. Успенский

«ПУТЕМ ЗЕРНА» КАК ФОРМУЛА РЕВОЛЮЦИИ: ХОДАСЕВИЧ, НЕКРАСОВ, КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ И АГРАРНАЯ ТОПИКА РУССКОЙ ЛИРИКИ

Афористичная формула истории России — «путем зерна» — стала названием третьего сборника стихов Ходасевича, с которого традиционно отсчитывается зрелый период творчества поэта. Заглавное словосочетание, как и в случае других сборников Ходасевича,¹ в свернутом виде являлось поэтической и идеологической манифестацией, однако со временем ее семантический ореол размылся, и в литературоведении закрепилось упрощенное понимание формулы поэта. Одна из задач настоящей статьи — восстановить смысловые и литературные контексты заглавия книги. Вместе с тем формула Ходасевича — наглядная точка сборки конкретной литературной традиции. Характерный для русской поэзии революционный миф последовательно воплощался в символизации аграрной образности. Поскольку история русской аграрной топики, транслирующей политические смыслы, еще не написана, изложение будет неизбежно фрагментарным и тезисным; но даже в таком конспективном виде материал позволяет прийти к выводу, что формула «путем зерна» аккумулирует не только вневременной евангельский смысл, но и революционную идеологию, актуальную как для рубежа веков, так и для событий 1917 года, а аграрная метафорика в русской поэзии последовательно сопровождалась политическими коннотациями.

1

Сборник «Путем зерна» выходил при жизни автора тремя изданиями (Москва, 1920; Петроград, 1921 и в составе «Собрания стихотворений», Париж, 1927) и лишь в последнем открывался заглавным стихотворением, сочиненным 23 декабря 1917 года:

¹ Подробнее об этом см.: Успенский П. 1) Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). Тарту, 2014; 2) «Лиры лабиринт»: почему В. Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»? // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 450–467; 3) В. Ф. Ходасевич и А. И. Герцен: о названии и поэтике сборника «Европейская ночь» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2017. Т. 76. № 3. С. 5–22.